

»8.

» 9.

«

50

25

. 2!

F

. 5.

(); 2—

(, . 140, . 33) : 1—

(210

80

).

. 5.

ленно вырыта человеком, а не образовалась случайно. К сожалению, костяк и отчасти сама яма были нарушены позднейшим углублением. Однако и того, что уцелело, достаточно, чтобы оценить всю важность такой находки как свидетельства о намеренном устройстве ям, предназначенных для помещения в них тел умерших в мустьерское время.

Важным обстоятельством являются также определенные закономерности в расположении уцелевших костяков. Об этом дает возможность судить прилагаемая сводная таблица.

В ряде случаев костяки лежали на боку, преимущественно на правом (5 случаев: Спи I, Ля Феррасси II, Мугарет эс Схул IV, Мугарет эс Схул VI, Киик-Коба — взрослый). В одном случае (детский костяк из Киик-Коба) зарегистрировано положение на левом боку. На спине лежали костяки: Ля Шапелль-о-Сен, Ля Феррасси I, Мугарет эт Таун I, Мугарет эс Схул I (?), Мугарет эс Схул V.

Головы погребенных во всех случаях, где это удалось установить, обращены или на восток (5 захоронений), или на запад (3 захоронения). В большинстве случаев (8 захоронений) одна рука или даже обе согнуты в локте, а кисти их находятся у черепа, вблизи лица. Во всех случаях (13 захоронений), где установлено положение ног, они подогнуты. В одних случаях имеется лишь легкая согнутость, в других значительная, почти настоящая скорченность (Ля Феррасси II, детские костяки в Киик-Коба и Ля Феррасси, Ля Шапелль-о-Сен, Мугарет эс Схул IV и V).

Характерно при этом, что одинаковая ориентировка костяков и одинаковое их положение наблюдаются независимо от территории как в Западной Европе, в Крыму, так и в Палестине. Все они обращены головой или на восток, или на запад, но не на юг и не на север¹⁰. Совпадения в положении костяков и особенно в их ориентировке никак не могут быть объяснены случайностью. Они, очевидно, указывают на какие-то общие черты мустьерских захоронений, связанные с отношением людей того времени к мертвым и с их представлениями о смерти.

Рассмотрим еще одно обстоятельство. Мы уже отметили, что не могло быть случайным сочетание челюсти кабана и скелета неандертальца в пещере Мугарет эс Схул. Еще интереснее такое же сочетание костей человека и костей животного в Тешик-Таше. По моему глубокому убеждению, это сочетание и здесь было не случайным. В Тешик-Таше рога козла в процессе раскопок представляли собой наиболее заметные и выразительные находки. Резко выделяясь своими размерами на фоне массы мелких обломков трубчатых костей и зубов того же животного, составлявших основное содержание культурного слоя, рога козла напоминали кости мамонта и носорога на верхнепалеолитических поселениях. Поэтому они тщательно фиксировались на планах всех культурных слоев гота.

Стоит взглянуть на опубликованный в сборнике «Тешик-Таш» план первого культурного слоя, с которым связаны остатки скелета человека, чтобы сразу заметить характерное распространение рогов козла. Они концентрируются в этом слое только в одном определенном месте — у стены гота, там, где расположен очаг, а рядом с ним кости ребенка. В остальной части гота их не обнаружено.

Здесь лежали три пары превосходно сохранившихся рогов и две пары, представленные обломками. Две пары рогов сохранили свою естественную связь «вилкой». Рога четвертой пары были найдены в четырех обломках; есть основание полагать, что они тоже сначала лежали «вилкой». От пятой пары уцелели только четыре обломка — один крупный и три поменьше. Такое сосредоточение рогов козла на площади несколько более 1 м² не может быть результатом случая.

¹⁰ Возможно, это зависит от того, что покойники лежат всегда поперек гrotов, а гrotы эти преимущественно открыты на юг, т. е. на солнечную сторону.

Сводные данные, характеризующие

№№ п/п	Погребение	Год	Исследователь	Положение костяка	Ориентировка
1	Спи I. Бельгия	1886	М. Пюи и М. Лоэст	В позе спящего на правом боку	Головой на восток
2	Спи II				То же
3	Ля Шапельль-о-Сен (Буффиа)	1908	Л. Бардон, братья А. и Ж. Буиссонн	На спине в по- зе спящего	Голова обра- щена на запад
4	Грот Мустье	1908	О. Гаузер, Г. Клаач	В позе спящего	
5	Ля Феррасси I	1909	Д. Пейрони	На спине, слег- ка склонен на- лево	С востока на запад, лицо по- вернуто налево
6	Ля Феррасси II	1910	"	На правом боку	С востока на запад
7	Ля Феррасси III	1912	"		То же
8	Ля Феррасси IV	1912	"		"
9	Ля Феррасси V	1920	"		"
10	Ля Феррасси VI	1921	"	На боку	Головой к вос- току
11	Мугарет эт Табун I	1929- 1939	Д. Гаррод и Д. Мак-Коуп	На спине	Голова на запад
12	Мугарет эс Схул I		"	"	
13	Мугарет эс Схул IV		"	На правом боку	Голова на вос- сток
14	Мугарет эс Схул V		"	На спине	Голова на запад
15	Мугарет эс Схул VI		"	На правом боку	Голова на вос- ток
16	Киик-Коба I	1925	Г. А. Бонч- Осмолов- ский	То же	
17	Киик-Коба II			На левом боку	
18	Тешик-Таш	1938	А. П. Оклад- ников		

Положение костячков неандертальцев

Положение костяка по отношению ко входу в грот	Положение рук	Положение ног	Пол	Возраст	Наличие ямы	Сопровождающие поедм.
Поперек грота	Одна рука согнута, кисть у черепа	Подогнуты	Женский(?)	Около 35 лет		
То же			Мужской	Около 20 лет		
"	Правая вдоль тела, левая согнута, кисть у черепа	Подогнуты	"	50—55 лет	Яма	
"	Правая рука под головой, левая вытянута	Левая нога подогнута	"	16 лет		
Поперек входа в грот	Одна рука согнута в локте, другая вытянута вдоль тела	Сильно подогнуты направо	"		Приспособлено (расширено) готовое углубление	
То же		Сильно подогнуты и пригнуты к тазу	Женский			
"				Детский	Искусственно сделанная ямка	
"						
"		Согнуты		Детский		
"				Детский (5 лет)	Яма покрыта плитой с чашечными углублениями	
"	Левая рука согнута	Подогнуты		Взрослый		
"		"		Детский, 3 года		
"	Обе руки согнуты, кисти у черепа	Круто подогнуты		Взрослый	Форма ямы прослежена по расположению костяка	
"	Обе руки согнуты	То же		"		Челюсть кабина
"	Обе руки согнуты, кисти у лица	Подогнуты				
"		Слегка подогнуты	Женский	Взрослый	Яма выдолблена в скале	
Вдоль входа в грот (?)		"В утробном положении"		Ребенок 1 года		
				Детский	Наличие ямы вероятно	Рога козла

Обращает на себя внимание и положение рогов на этой ограниченной площади. Они явно образуют окружность, а не ромб и не квадрат. При этом самая крупная и лучше всего сохранившаяся пара должна была первоначально находиться в совершенно необычном для культурного слоя положении, не плашмя, не горизонтально, а вертикально, остриями вниз. Внутреннее пространство между рогами было бы при этом вполне достаточно для того, чтобы в нем мог поместиться костяк ребенка в обычном для неандертальских скелетов положении — с подогнутыми или скорченными ногами. Вполне естественно, таким образом, гипотетически представлять общую картину первоначального расположения трупа и рогов козла в Тешик-Таше именно так, как она была мной реконструирована еще в первых публикациях результатов раскопок, т. е. в тесной взаимной связи. Картина расположения рогов козла и остатков человеческого скелета была настолько выразительной и неожиданной, что не могла не вызвать ассоциаций с бытовавшими в этой местности пережитками культа дикого козла, с одной стороны, и культа солнца, с другой, хотя ни о какой прямой связи здесь, разумеется, не приходится и говорить. Можно, следовательно, предположить, что горный козел, повидимому, на протяжении десятков тысячелетий занимал важное место в сознании обитателей гор Байсун-Тау именно потому, что ему как основному источнику существования принадлежала особо важная роль в их жизни.

Очень любопытно и то, что непосредственно рядом с рогами козла и костями неандертальца, в покрывавшем их сверху первом культурном слое, находилось кострище. В пещере Мугарет эс Схул третий костяк неандертальца тоже лежал прямо на слое кострища.

Таким образом, если даже оставить в стороне вопрос об инвентаре мустьерских погребений или о связи их в некоторых случаях с кострищами, что трудно категорически утверждать, все же можно констатировать ряд фактов, которые невозможно объяснить простой случайностью. Эти факты явно не увязываются с предположением о том, что неандертальцы покидали трупы своих умерших на произвол судьбы, лишь в отдельных случаях слегка забрасывая их ветками. В это время, несомненно, уже производилось намеренное захоронение трупов в земле, причем в одних случаях их могли помещать в готовые углубления (скажем, в «спальные» ямы), в других же для этого рыли, и даже с немалыми усилиями, специальные ямы, как это показывают раскопки в Киик-Коба. Захоронению подвергались как трупы взрослых мужчин и женщин, так и трупы детей. Местом захоронения были пещеры, служившие жилищем людей, но не исключены захоронения и вне пещер.

Не случайно, очевидно, иногда наблюдаются захоронения двух взрослых людей, положенных рядом (Спи, Ля Феррасси), а также женщины и ребенка (Киик-Коба). В некоторых пещерах захоронения производились неоднократно (Ля Феррасси, Мугарет эс Схул).

Устанавливается и определенное положение костяков в могилах: они лежат обычно с подогнутыми ногами, т. е. в слегка скорченном положении. В ряде случаев обе или одна рука согнута в локте, а кисти их находятся около лица. Поза эта действительно, как писали многие исследователи, напоминает положение спящего человека.

Особенно важно наличие определенной ориентировки костяков, известной в двух одинаково устойчивых противоположных вариантах — или на восток или на запад. Наличие такой ориентировки мертвых в Палестине, с одной стороны, во Франции и Бельгии — с другой, простой случайностью никак не объяснить.

Исключительный интерес представляет ограждение могилы в Тешик-Таше рогами козла, которые были расположены, повидимому, по кругу. Не менее любопытно наличие плиты с чашечными углублениями в Ля Феррасси, покрывавшей кости неандертальца.

Чтобы правильно объяснить все эти факты, нужно рассмотреть их на более широком историческом фоне.

Одним из самых жгучих и острых вопросов древнейшей истории человечества издавна являлся вопрос о первых проявлениях религиозных верований, иначе говоря, о возникновении религии. Вокруг него издавна в напряженной и страстной борьбе скрещивались взгляды реакционных и прогрессивных ученых. Достаточно вспомнить взгляды Мортилье, который в своей борьбе за обоснование и развитие эволюционного учения страстно выступал против попыток апологетов католицизма — этой, по выражению К. Маркса, «окаменелой идеологии средневековья» — «опровергнуть» эволюционную теорию и вернуть науку о человеке к средним векам, к библии и схоластике.

Эта борьба вспыхнула с новой силой в конце XIX в., когда против старого буржуазного эволюционизма объединенным фронтом выступили те же самые враги, но уже несравненно более сплоченные и сильные. Антиэволюционистская реакция в буржуазной науке была вызвана прежде всего тем, что захватившая господство буржуазия уже вовсе не была заинтересована в какой-либо борьбе с католицизмом, с поповщиной вообще, в победе прогрессивной науки. Напротив, католицизм, эта темная сила, рожденная в условиях распада рабовладельческого и роста феодального общества, оказался теперь для буржуазии как нельзя более кстати. С другой стороны, к этому времени старый буржуазный эволюционизм уже в полной мере обнаружил свои уязвимые стороны. Он вырос на почве вульгарного метафизического материализма, и ему было чуждо материалистическое понимание исторического процесса.

Используя слабые стороны эволюционизма, «ученые» реакционеры напали на него, стремясь уничтожить и скомпрометировать прежде всего идею о закономерности и единстве исторического процесса, о неуклонном прогрессивном развитии в природе и обществе от низших форм к высшим.

Во главе реакционных сил находилась в это время католическая школа этнологов, которая называла себя «культурно-исторической», хотя суть ее деятельности заключалась в борьбе против подлинного историзма, т. е. против признания закономерности исторического процесса. Борьба эта была вместе с тем и борьбой против марксизма, влияние которого возрасало с угрожающей для буржуазии быстротой и силой. «Культурно-историческая» школа, уже по одному тому, что это была католическая школа, центральное место в своей деятельности отдала проблемам религии. Основной своей задачей она ставила «доказать» извечность религии, источник которой находится, по утверждению ее представителей, в «божественном откровении», извечность единобожия (прамонотеизм, культ «высшего существа»), а заодно, конечно, извечность частной собственности и моногамной семьи.

Чтобы «обосновать» эти положения, нужно было придать им наукообразную форму и при этом, разумеется, как можно более «солидно». Именно с этой целью деятели культурно-исторической школы пишут обширные, нередко многотомные монографии, в которых приведен колоссальный фактический материал со всего земного шара (например, «Происхождение идеи бога» В. Шмидта), соответственно подобранный и интерпретируемый. Именно с этой целью они разворачивают лихорадочную «исследовательскую деятельность» среди отсталых племен и народностей колониальных и полуколониальных стран. Под тем же углом зрения разворачивают свою работу и реакционные археологи, единственной целью которых теперь стала борьба с прежними эволюционистскими концепциями, пересмотр всего археологического материала с точки зрения «культурных кругов», с расистской точки зрения. Само собой разумеется, что соответственное место в таких упражнениях заняли попытки тенденциозной интерпретации, а в ряде случаев и прямой фальсификации

археологических фактов с целью обосновать взгляды католических этнологов на первобытную религию. Все это до крайности запутало разрешение этих сложных проблем истории первобытной религии и вопроса об ее возникновении.

Чтобы правильно поставить и разрешить эти вопросы, не нужно, разумеется, возвращаться назад, к буржуазному эволюционизму XIX в. Его теоретическая слабость и ограниченность привели к тому, что он не мог устоять в борьбе против антиэволюционизма. В самом деле, эволюционистская теория, например, об абсолютном единообразии и тождестве исторического процесса, потерпела поражение при столкновении с фактами. Оказалось, что конкретно-исторический процесс при общем его единстве идет в настолько богатых и своеобразных формах, что о таком мнимом единстве, какое видели эволюционисты, не может быть и речи.

Но самое главное заключалось, как сказано выше, в том, что старый буржуазный эволюционизм не мог вести успешную борьбу с реакцией из-за непригодности для этого его философской основы: вулгарного материализма, отождествления социальных законов с биологическими, идеализма и метафизической оскотенелости взглядов буржуазных эволюционистов.

Для того чтобы не только устоять в борьбе с врагами идеи прогрессивного развития человечества, но и разбить их, нужно было оставить идеалистическую точку зрения на историю общества, покончить с вулгарно-материалистическими взглядами, последовать указаниям К. Маркса, который писал: «Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления»¹¹.

Тем не менее буржуазные эволюционисты продолжали стоять на старых позициях, предпочитая упрямо пользоваться старой и привычной «универсальной отмычкой... общей историко-философской теории (объясняющей все сразу, потому что она не объясняет ничего), наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности»¹².

Что мог при таком положении дела противопоставить буржуазный эволюционизм напору новых фактов, который был направлен его врагами так умело и в самые слабые места, в зияющие щели? Неудивительно, что он был скомпрометирован и разбит.

Однако враги эволюционистов увидели теперь, что перед ними стоит новый противник, против которого их идейное оружие бессильно, ибо этим противником оказался марксизм, тот самый марксизм, против которого они в сущности и пытались бороться, когда направляли свои удары против идеи закономерности и единства исторического процесса.

Марксизм по-новому поставил и разрешил все вопросы, вокруг которых веками шла ожесточенная борьба. По-новому в свете марксистско-ленинской теории встали и проблема истории религии, происхождения религиозных верований, а также, в частности, и вопрос о погребениях неандертальцев.

Эволюционисты пытались решить этот сложный вопрос чрезвычайно легко и просто. Они начисто отвергали самую возможность устройства погребений палеолитическим человеком. Мортилье, например, объяснял находки палеолитических костяков в пещерах тем, что они будто бы принадлежат жертвам катастрофы, происшедшей в результате обвала пещерного потолка. Иногда он пытался объяснить находки костяков в палеолитических слоях тем, что они относятся к более позднему времени и являются впускными погребениями из вышележащих слоев. Такие объяснения во времена Мортилье, при ограниченности известных науке фак-

¹¹ К. Маркс, Письмо в редакцию «Отечественных записок». К. Маркс в Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 378.

¹² Там же.

бы, могли иметь некоторые основания. Однако с течением времени стало совершенно ясно, что палеолитические погребения являются фактом. Во всяком случае для верхнего палеолита никто в настоящее время их отрицать не станет. Вопрос о наличии погребений в более раннее, мустьерское, время сложнее. Но, как уже говорилось выше, и здесь старые гипотезы о случайном характере находок скелетов неандертальцев стоят в противоречии с фактами.

В советской литературе наибольшей популярностью пользуется гипотеза о том, что мустьерские люди еще не выкапывали специальных ям для умерших, а использовали готовые «спальные» ямы (С. Н. Завятинин, П. П. Ефименко). Что же касается причин, которые заставляли людей мустьерского времени заботиться о трупах умерших, то полагают, что у них еще не было представления о душе и загробном мире. Мертвеца, пишет П. П. Ефименко, в то время считали спящим, «который может проснуться и которому живые обязаны обеспечить возможные покой и удобство»¹³. Эти предположения очень вероятны и интересны. Имеющиеся факты, однако, не укладываются целиком и в эти гипотезы.

Как, например, с этой точки зрения объяснить наличие особых погребальных ям, и при этом таких, которые совершенно непригодны для сна живым людям (Кник-Коба)? Как, наконец, объяснить тот факт, что трупы все-таки должны были быть покрыты землей, иначе они вообще не дошли бы до нас в более или менее сохранном виде? Странной особенностью с этой точки зрения является и обычная подогнутость ног или даже скорченность скелетов неандертальцев. Все эти факты невозможно объяснить желанием обеспечить телу умершего покой и удобство, как живому человеку. Здесь надо предположить что-то другое, значительно более сложное. Было бы бесполезно отрицать такие факты. Более того, такое отрицание рано или поздно принесло бы только вред. Нужно их объяснить. Все необходимое для такого разъяснения мы найдем в трудах классиков марксизма, в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, освещающих историю человеческого познания вообще, первобытного в частности, историю мировоззрения и религии.

Религия, указывают классики марксизма, это ложные фантастические представления о природе и человеке. Она уходит своими истоками в глубину первобытного времени, когда у человека существовали темные и неправильные представления о действительности, обусловленные низким уровнем развития общества и его производительных сил, слабостью человека в борьбе с природой, гнетом природы над человеком, зависимостью его от природы.

Фридрих Энгельс в своей работе «Людвиг Фейербах» с полной ясностью писал: «Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе»¹⁴. И в другом труде: «...всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые видоизменения»¹⁵.

Само собой разумеется, что при всей своей примитивности такие фантастические представления о природе и человеке появились не сразу,

¹³ П. П. Ефименко, Указ. соч., стр. 292.

¹⁴ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Госполитиздат, 1950, стр. 48.

¹⁵ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 299.

а были результатом длительного развития; для их возникновения были нужны определенные предпосылки. Этими предпосылками были, естественно, развитие человеческих мыслительных способностей, развитие обобщающей работы ума, неразрывно связанное с успехами труда, с практическим познанием и освоением человеком окружающей его действительности в процессе трудовой деятельности. Фантастическое отражение сил природы могло появиться, следовательно, только при определенном, уже весьма высоком уровне работы человеческого мозга.

Характер и содержание процесса возникновения древнейших форм таких фантастических, извращенных представлений и их гносеологическая сущность с гениальной глубиной вскрыты В. И. Лениным.

Суть первобытной религии, указывал В. И. Ленин, заключается в том, что она представляет собой первобытный идеализм. «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (*совершенно* в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и «нумен», непознаваемая «вещь в себе»; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, логос, бог»¹⁶.

Возникновение первобытного идеализма было неразрывно связано с абстрагирующей деятельностью человеческого ума, конкретно — с возможностью раздвоения познания и отлета фантазии человека от действительности. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Раздвоение познания человека и *возможность идеализма* (= религии) *даны уже в первой, элементарной абстракции* «ДОМ» вообще и отдельные дома.

Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (в последнем счете = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек *фантазии*. (Vice versa¹⁷: нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой)¹⁸.

Из этих гениальных указаний В. И. Ленина следует, таким образом, что возможность отлета фантазии от действительности, возможность идеализма дана уже в первой, самой элементарной абстракции — в первом обобщении.

Но когда возникает такая возможность?

В. И. Ленин указывал:

[Всякое слово (речь) уже
 обобщает
 ср. Фейербах]

Чувства показывают
реальность; мысль и
слово — общее ¹⁹

И. В. Сталин в своем гениальном произведении «Марксизм и вопросы языкознания» относительно грамматики указывает, что она в еще большей степени, чем лексика, выражает успехи обобщающей деятельности человеческого сознания. «Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не кон-

¹⁶ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 307—308.

¹⁷ Vice versa — наоборот.

¹⁸ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 308.

¹⁹ Там же, стр. 256.

етные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления.

В этом отношении грамматика напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишённые конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишённые всякой конкретности»²⁰.

Чтобы оценить огромное значение этих указаний И. В. Сталина и В. И. Ленина для истории сознания первобытного человечества, нужно принять во внимание тот факт, что «Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка»²¹.

Как указывает И. В. Сталин: «Обмен мыслями является постоянной жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества,— стало быть, невозможно само существование общественного производства. Следовательно, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестает существовать, как общество»²².

Отсюда следует, что язык, хотя бы и в самой элементарной его форме, сопутствует человеческому обществу с древнейших времен. Зачатки языка должны были существовать, следовательно, уже в отдаленное время, когда человек проходил первые этапы своего развития как существо общественное, когда он впервые выделился из мира животных. И само собой разумеется, что уже в это отдаленное время возникает возможность отлета фантазии от действительности, возможность зарождения первобытного идеализма. Эта возможность коренилась как в первых проявлениях абстрагирующей работы человеческого ума, так и в зависимости человека от сил природы, порождавшей у него неправильные представления об окружающей действительности и о самом себе. Удивительно, почему эти обстоятельства, на которые столь ясно указали В. И. Ленин и И. В. Сталин, игнорируются и забываются.

Однако возможность вовсе не означает еще действительности. Чтобы эта возможность превратилась в действительность, нужны были конкретные исторические условия, прежде всего — определенная степень развития умственной деятельности, позволившая накопить необходимый для этого материал, подняться до образования сколько-нибудь широких общих суждений и понятий. С этой стороны исключительный интерес, в отличие от более ранних эпох, представляет как раз мустьерское время, к которому относятся интересующие нас захоронения.

²⁰ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 24.

²¹ Там же, стр. 22.

²² Там же, стр. 22—23.

Мустьерское время, во многом непосредственно продолжающее традиции предшествующей позднеашельской поры, отмечено определенным и достаточно значительным продвижением вперед техники обработки камня и приемов изготовления каменных орудий. Были усовершенствованы приемы подготовки нуклеусов, площадки которых стали подготавливаться перед употреблением. Пластины и отщепы становятся более правильными и изящными. Окончательно складывается набор каменных орудий: скребла, остроконечники разных форм, наконец, появляются листовидные наконечники или ножи.

Охота приобретает все более систематический характер. Впервые намечается в зависимости от определенных ландшафтных условий своеобразная «специализация» отдельных общин. Например, жители Ильской стоянки охотились преимущественно на диких быков, обитатели альпийских пещер — на пещерного медведя. Люди из Тешик-Таша добывали главным образом горных козлов. Такое развитие охоты должно было иметь в своей основе усовершенствование способов добычи животными объединенными усилиями всего коллектива, т. е. рост и укрепление общественных связей, «обуздавших» животный эгоизм.

Прямым отражением роста общественных связей являются такие характерные черты жизни неандертальского человека, как прочное заселение пещер, ставших более или менее постоянными общими жилищами, наличие в них кострищ, указывающих на особую роль огня как условия для сплочения людей. Очень характерно и наличие многочисленных костей животных. Оно свидетельствует о том, что мясо не подалось без остатка охотниками на месте добычи, а приносилось в пещеру, где должны были оставаться беременные женщины и дети.

Очень вероятно также, что именно в это время на основе всех достижений культуры начинается переход от первобытного стада к новой форме общественной жизни, т. е. к матрилиному роду, возникают зачатки того общественного уклада, который так эффектно представлен сменяющимися мустьерские памятники верхнепалеолитическими поселениями.

Нет никакого сомнения и в том, что прогрессивному развитию труда и общества должны были соответствовать одновременные прогрессивные изменения в сознании первобытного человека, которое развивается в процессе практического овладения законами природы.

«Жизнь,— указывал В. И. Ленин,— рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверая и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине»²³.

Однако, как указывал В. И. Ленин, это отражение вовсе не было «зеркально-мертвым» процессом, а имело сложный характер, включало раздвоение, отлет фантазии от действительности, ибо в конкретных условиях того времени неизбежно было появление на вечно могучем древе познания также и пустоцвета в виде первобытного идеализма, т. е. зачатков религии.

Возникновение подобных фантастических представлений было обусловлено тем, что возможность действительного познания природы — это результат длительного накопления человеком практического опыта такого познания: «Уже верное отражение природы — дело трудное, продукт длительной истории опыта. Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят все культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению создало повсюду богов...»²⁴.

²³ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 174.

²⁴ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 326.

Таким образом, возникновение зачатков религии было неизбежно вследствие низкого уровня развития общества. В силу ограниченности трудового опыта и недостаточности знаний, а также вследствие зависимости от грозных сил природы, первобытный человек не мог возвыситься до правильных представлений об окружающем мире и о самом себе. Он не был в состоянии правильно представить себе сущность явлений реальной действительности и характер связей между ними. Он правильно реагировал в общем на все, что было связано с жизненной необходимостью — с добыванием пищи, устройством жилищ, накопляя все более и более разнообразный трудовой опыт. Но тем не менее уже в начальный момент развития материнского рода и перехода от животного сознания к сознанию человеческому, которые падают на неандертальское время, он сделал шаг и по другому, ложному направлению, по линии первобытного идеализма.

Так возникли прежде всего неправильные представления человека о своей собственной сущности, обусловившие, должно быть, особое отношение к трупам умерших сородичей, т. е. появление первых погребений. Это отношение к трупам, сказавшееся в мустьерских погребениях, имело в своей основе прежде всего чувство коллективизма, рожденное совместной трудовой жизнью первобытных людей.

Но забота о сочлене мустьерского коллектива выражалась здесь в особых формах, обусловленных ложными, неправильными, представлениями о человеке. Мы не знаем точно характера таких представлений. Не исключено, что здесь уже были зачатки анимизма, переплетавшиеся с представлениями о «живом мертвце».

Оставляя пока в стороне возможные догадки и предположения, останемся на самом главном и бесспорном,

Существенно одно: неандерталец уже убедился, что мертвец не просто «спящий»; что по отношению к нему нужны особые заботы, качественно иные, чем по отношению к живому человеку. Он не просто оставлял мертвеца на поверхности земли в той позе, в какой его застала смерть, а придавал ему, пока еще не окоченело тело, определенную, строго выдержанную позу; клал его не как попало, не как пришлось, а в определенном направлении — головой на восток или на запад, наконец, помещал его в яму и засыпал землей.

Отсюда следует, что у неандертальца уже возникли какие-то идеи о качественно иной форме существования умерших после смерти, т. е. первые идеи о «жизни за гробом». Иначе таких фактов не объяснить.

Сюда же, к первым зачаткам, к истокам развившихся позже сложных и вполне оформленных фантастических представлений, из которых состоит религия, следует отнести аналогичные зачатки культа природы, культа стихий и прежде всего естественного для первобытных охотников культа зверя, о котором основоположники марксизма писали ясно и определенно, что «вначале было свято звериное».

«Любопытно,— писал Ф. Энгельс,— как у так называемых первобытных народов возникает представление о *святости*. Священно первоначально то, что мы переняли из животного мира,— *животный элемент*...»²⁵. В свете этого особый интерес приобретают козлиные рога, найденные около костей неандертальца в Тешик-Таше, а также известные находки «складов» костей пещерного медведя в альпийских пещерах.

Нельзя согласиться с тем, что и то и другое представляло собой запасы пищи или «охотничьи трофеи». В самом деле, какова питательная ценность рогов козла или, скажем, медвежьих голов? На длин-

²⁵ Ф. Энгельс, Письмо К. Марксу от 8 декабря 1882 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 598.

ных костях, правда, могло быть мясо. Но зачем было устраивать такие ящики-хранилища из камней для этих запасов, зачем было хранить вместе с ними головы медведей? Если же это были «трофеи», то этнография показывает действительный смысл подобных трофеев. Они всегда связаны с культом зверя.

С таким же, и даже большим, правом вместо этих объяснений, не имеющих убедительной силы, можно выдвинуть другое, опирающееся как на этнографические факты, так и на указания классиков марксизма о глубочайшей древности зоолатрии.

Култ зверя, как одно из конкретных выражений исходного культа природы, был основан на реальной роли зверя в жизни первобытного человека. Для обитателей Тешик-Таша исключительное значение имел горный козел, для пещерных жителей Альп — медведь. Что же удивительного в том, что именно по отношению к этим животным с глубокой древности у людей уже существовали особые представления, связанные с фантастическими идеями дикаря?

Правда, сторонники патера Шмидта потратили немало труда, чтобы попытаться «доказать» на этнографическом и археологическом материале в виде скоплений длинных костей и черепков извечность культа «высшего существа» и «бескровной жертвы». Но суть дела заключается вовсе не в том, чтобы отрицать существование использованных патерами фактов, если, конечно, эти факты сами по себе не опорожены, не фальсифицированы попами и поповствующими «учеными», а в том, чтобы использовать их против концепций самих клерикалов. Если же сделать это, станет ясным, во-первых, что никакой «бескровной жертвы» здесь не было, как не было вообще «жертвы» и никакого «высшего существа», никакого прамоотеизма, а был тот самый первобытный дикарский култ зверя, о котором столь просто и отчетливо писали классики марксизма. Показать этот култ, начиная с его вероятных истоков в мустьерское время, — значит разоблачить элементарное жульничество «ученых» патеров, нанести удар по их фальшивой постройке в самое ее основание. Обойти его — значит молчаливо капитулировать перед ними.

В пользу предположения о возникновении первых зачатков культа мертвых и культа зверя именно в мустьерское время свидетельствуют и другие факты, тоже указывающие на сравнительно развитое уже сознание неандертальца. Таковы, например, чашечные камни и красочные цветные пятна, которые нельзя рассматривать иначе, как первоначальные зачатки изобразительной деятельности.

Заслуживают внимания также куски кровавика, найденные в мустьерских слоях и обнаруживающие признаки стирания или заполировки их поверхности от употребления, вероятно, для раскраски тела, и кристаллы, должно быть, привлекавшие внимание своим блеском.

О том же свидетельствуют факты, относящиеся к последующему, верхнепалеолитическому, времени. Высокий расцвет реалистического искусства верхнего палеолита, появление настоящих погребений с развитым погребальным ритуалом и определенным погребальным инвентарем нельзя объяснить, если не учитывать, что всему этому неожиданно высокому взлету интеллектуальной культуры должно было предшествовать определенное подготовительное состояние. Такой подготовкой и было мустьерское время, эпоха деятельности неандертальского человека. Именно об этом свидетельствуют драгоценные с культурно-исторической точки зрения мустьерские погребения.

*

Означают ли изложенные взгляды какую-то, хотя бы и вынужденную «уступку» реакционным взглядам тех, кто стремится «обосновать извечность религии? Препятствуют ли они развертыванию борьбы з

убеду единственно правильного, материалистического мировоззрения над идеалистическим, над мистицизмом и поповщиной?

Конечно, нет.

Чем полнее и точнее наши представления об истории религии, тем слабее позиции ее сторонников. Ибо, вскрывая корни религии до самого основания, разясняя ее историю от начала до конца, мы не оставляем места для каких-либо неясностей и пробелов, которые только на пользу мракобесию и невежеству и, следовательно, во вред борьбе с ними. Материалистически объясняя истоки религии, выясняя до конца ее исторические корни и пути развития, мы подрываем самые корни идеалистической фальсификации в этих вопросах, противопоставляем ей единственно научное, единственно правильное и неопровержимое объяснение. Определяя точно и ясно условия и время возникновения первых зачатков религиозных верований, первобытной веры в духов и грубого колдовства, мы не оставляем места для каких-либо лазеек, для каких-либо попыток утверждать «извечность» и надисторичность религии, ибо ограничиваем ее точно установленными историческими рамками.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что ни о каких погребениях в мустьерское время говорить не приходится. Кости литекантропа найдены в разрозненном состоянии. Это, действительно, случайные остатки, где не приходится говорить даже о каком-либо сочетании их с поселением. Кости синантропов оказались, правда, в пещере вместе с каменными орудиями, костями животных и углями огня. Но ничего похожего на мустьерские погребения там не зарегистрировано. Мауэрская челюсть представляет собой тоже единичную, изолированную находку. Они, таким образом, бесспорно относятся к дорелигиозному периоду; это вполне естественно, так как в столь далекое время должны были господствовать полуживотные, полуинстинктивные формы труда, которым соответствовало аналогичное сознание.

«Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы»²⁶, — писал В. И. Ленин. Ясно, что на таком низком уровне развития ума человека не может быть ничего похожего на зачатки столь сложных, же фантастических, представлений.

В отличие от более древних находок, мустьерские погребения свидетельствуют о первоначальном возникновении зачатков религиозных верований как комплекса ложных фантастических представлений человека о самом себе и о природе, как первобытного идеализма. Но это еще вовсе не настоящая, сколько-нибудь оформленная религия, хотя и первобытная. Здесь нет, как я уже достаточно ясно и недвусмысленно писал в моих ранее опубликованных работах, еще никакой окончательно установившейся системы, ничего определенного и целостного. Это в полной мере исходное состояние, где причудливо переплетаются смутные и неопределенные фантастические образы и представления, из которых много позже вырастают настоящий культ мертвых и вера в духов, культ животных.

На архаичность, неопределенность зачатков культа мертвых в мустьерское время указывает, прежде всего, отсутствие столь важного признака, каким является ясно выраженный погребальный инвентарь в виде рудий труда и т. д. Отсутствует, например, и такая черта погребальной обрядности, как засыпание трупа охрой, кровавиком. Она появляется только в верхнепалеолитическое время (любопытно, однако, наличие при некоторых неандертальских костяках красной охры; оно, может быть, тоже случайно).

Зато есть все основания полагать, что уже 30—40 тысяч лет назад, в верхнем палеолите, на основе этих зачатков складывается довольно

²⁶ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 67.

стройная и сложная система мифологических представлений, представлений, о жизни и смерти; возникает определенная система культовых действий и обрядов, главным образом связанных с охотничьей жизнью. Развивается цикл представлений, связанных с материнским родом и почитанием женских предков-родоначальниц.

Таким образом, было бы неправильно возвращаться к не выдержавшим испытания временем попыткам сторонников вульгарного материализма, буржуазных эволюционистов XIX в., упорно отрицать сложности духовного развития палеолитического человека, игнорировать или объяснять простой случайностью закономерно повторяющиеся факты, которые противоречат старым примитивно-эволюционистским взглядам. Подобная близорукая тактика была бы, разумеется, только на пользу защитникам идеализма и религии, которые имеют в этом деле достаточный опыт и, конечно, не упустили бы возможности воспользоваться слабостью своих противников, жестоко поиздеваться над ними, демагогически использовать их ошибки в собственных целях при первом удобном случае, а такие случаи не только были в прошлом, но, несомненно, могут снова обнаружиться и в ближайшем будущем при находке новых мустерских погребений.

Материалистически выясняя истоки религии, коренившиеся в бессилии человека перед силами природы, в темных невежественных представлениях дикаря, наша наука тем самым кладет конец идеализации религии, попыткам представить ее чем-то возвышенным и идеальным, надисторическим, результатом «божественного откровения». Развивая эту тему, мы, напротив, следуем за В. И. Лениным, который с гениальной силой разоблачил связь с мировоззрением дикаря не только католического или иного антропоморфного «боженьки», но и гордого своей философской отвлеченностью идеализма Канта или Гегеля.

Не отрицать факты и не упрощать действительность, а правильно объяснять факты в свете марксистско-ленинской теории о путях развития общественного сознания; не отходить от марксизма к буржуазному эволюционизму и, что еще хуже, к вульгаризаторским концепциям Н. Я. Марра о «стадиальности» и «взрывах», а, наоборот, последовательно выкорчевывать и преодолевать их влияние; не разоружаться, предоставляя использование фактов врагам подлинно научного мировоззрения, а, напротив, всемерно использовать эти факты для борьбы за диалектико-материалистическое освещение детства человечества, для боевой пропаганды марксизма и разоблачения буржуазной идеологии — такова наша задача.